

ЭКСПЕРТНЫЕ КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ № 2-П ОТ 20.01.2026 г. (ДЕЛО ТИМЧЕНКО)

Р. М. Янковский

Российская экономическая школа (РЭШ)
121353, Россия, Москва, Сколковское шоссе, 45

Аннотация

Комментарий посвящен анализу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П, которым была проверена конституционность части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах». Указанная норма ставит судебную защиту имущественных требований, связанных с цифровой валютой, в зависимость от предварительного исполнения публичной обязанности по уведомлению налоговых органов о фактах владения и совершения операций с таким активом. На примере дела гражданина Тимченко показано, что формально нейтральная конструкция условия доступа к правосудию трансформируется в фактический запрет на судебную защиту, не основанный на виновном поведении лица и не сопровождаемый какими-либо критериями правонарушения. Оспариваемая норма нарушает принципы правовой определенности и соразмерности, а также конституционные гарантии равенства перед законом и права на судебную защиту. Особое внимание уделяется аргументации Конституционного Суда, согласно которой допущение оборота цифровой валюты, пусть и ограниченного, предполагает наличие минимального уровня защиты имущественных притязаний на такой актив. Подчеркивается, что государство не вправе лишать лицо судебной защиты за неисполнение обязанности, которая не была нормативно и процедурно обеспечена. В заключительной части рассматриваются нерешенные вопросы, оставленные Конституционным Судом, включая допустимость самой идеи отказа в судебной защите как инструмента стимулирования публичных обязанностей и тенденцию к использованию гражданско-правовых ограничений в целях упрощения государственного контроля. Делается вывод о необходимости более строгих конституционных критериев допустимости подобных ограничений в будущем.

Ключевые слова

цифровые активы, цифровая валюта, правовой режим цифровых активов, судебная защита цифровых прав, декларирование цифровой валюты

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Янковский, Р. М. (2026). Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ № 2-п от 20.01.2026 г. (дело Тимченко). *Цифровое право*. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2026-7-1>

Поступил: 08.02.2026, принят в печать: 11.02.2026

COMMENTS

THE TIMCHENKO CASE: COMMENT ON RULING NO. 2-P OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION (JANUARY 20, 2026)

Roman M. Yankovsky

New Economic School (NES)
45, Skolkovskoe Highway, Moscow, Russia, 121353

Abstract

This case comment examines Ruling No. 2-P of January 20, 2026, of the Constitutional Court of the Russian Federation, which reviewed the constitutionality of Article 14(6) of the Federal Law “On Digital Financial Assets and Digital Currency.” The contested provision conditioned judicial protection of claims related to digital currency on prior notification of tax authorities regarding ownership and transactions involving such assets. The presented analysis focuses on situations in which compliance with this requirement was objectively impossible, due to the absence of any established notification procedure for individuals who did not engage in digital currency mining. The Timchenko case demonstrates how a formally neutral access-to-justice condition operated in practice as a de facto denial of judicial protection, applied without any assessment of fault, unlawful conduct, or harm to public interests. The comment establishes that the provision conflicted with the principles of legal certainty and proportionality, as well as with the constitutional guarantees of equality before the law and the right to judicial protection. Particular attention is given to the Constitutional Court’s reasoning that the state, once permitting – even in a restricted form – the circulation of a certain asset, may not entirely exclude judicial protection of proprietary claims relating to that asset. The Court further emphasized that denying access to justice for failure to comply with a non-existent or indeterminate procedure is incompatible with constitutional standards. The final section highlights issues left unresolved by the judgment, including the broader permissibility of denying judicial protection as a means of enforcing public-law obligations and the growing tendency to employ private-law restrictions as instruments of state control. The comment recommends the establishment of clearer constitutional limits to prevent the use of civil-law mechanisms for purposes unrelated to the protection of private rights.

Keywords

digital assets, digital currency, legal regime of digital assets, judicial protection of digital assets, digital currency disclosure, restricted circulation of assets

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Yankovsky, R. M. (2026). The Timchenko case: Comment on Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation (January 20, 2026). <i>Digital Law Journal</i> . https://doi.org/10.38044/2686-9136-2026-7-1

Submitted: 8 Feb. 2026, accepted: 11 Feb. 2026

Постановка проблемы

Норма, которая ставит судебную защиту имущественного требования в зависимость от исполнения публичной обязанности, сама по себе кажется спорной. Но по-настоящему проблемной такая норма становится, если обязанность, которую проверяет суд, невозможно исполнить. Рассмотренное постановление¹ касается именно такой ситуации; более того, спорную ситуацию можно развернуть из плоскости правовой определенности и формального допуска к правосудию в плоскость конституционных гарантий доступа к суду.

Фабула и ход дела

В 2023 году Тимченко купил криптовалюту *USDT* примерно на 80 тыс. рублей (далее я буду именовать ее цифровой валютой)². Затем он передал ее в управление другому лицу, которое не вернуло актив по истечении установленного срока. Тимченко подал иск.

Суды нескольких инстанций отказались рассматривать требование на основании ч. 6 ст. 14 закона «О цифровых финансовых активах»³. Эта норма гласит: «Требования лиц, указанных в части 5 настоящей статьи [физлиц-резидентов и российских организаций], связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах».

Таким образом, закон дает судебную защиту требованиям, связанным с владением цифровой валютой, только в случаях, когда истец задекларировал соответствующую валюту. Нет уведомления — нет защиты.

Почему условие было невыполнимым

В 2023 году не существовало порядка уведомления ФНС об операциях с цифровой валютой, который нарушил бы Тимченко. До 2024 года цифровая валюта во всех случаях

¹ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» от 20.01.2026 № 2-П, Собрание законодательства РФ, 26.01.2026, № 4, ст. 372.

² Формально *USDT* следует скорее классифицировать как иной цифровой актив, поскольку он является стейблкойном — платежной единицей, обеспеченной правом требования. Но поскольку Конституционный Суд не изучал этот вопрос, приняв правовую природу *USDT* как цифровой валюты, я тоже воздержусь от комментариев на сей счет.

³ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026), Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (ч. 1), ст. 5018.

облагалась налогами по общим правилам, разработанным для имущества и операций с ним. Ключевой момент — налоговая обязанность появлялась по итогам реализации имущества и получения дохода, то есть при обмене цифровой валюты на деньги или иное имущество в реальном обороте⁴. Если реализации не было (как в случае Тимченко), обязанности декларировать сам факт владения по этой логике также не возникало. После реализации обязанность декларирования дохода наступала по общим основаниям, по окончании соответствующего налогового периода.

Позже для майнеров был установлен специальный порядок декларирования по факту получения цифровой валюты⁵. Он был введен в 2024 году, вступив в силу в 2025-м; однако такой порядок никогда не распространялся на физических лиц, не осуществлявших майнинг. Поэтому Тимченко также не мог воспользоваться этим порядком.

В чем проблема конструкции части 6 статьи 14 закона «О цифровых финансовых активах»?

Понятно, почему законодатель ограничил судебную защиту незадекларированной цифровой валюты. Государство хочет контролировать ее оборот, а технологически (из-за анонимности распределенного реестра) принудительно раскрыть сведения о ней не может. Поэтому вводится стимул: хочешь защиты — покажи свой актив государству.

Однако и с юридической, и с юридико-технической точки зрения запрет был установлен некорректно.

Во-первых, запрет был установлен неопределенно. Бланкетная формулировка «информирование о фактах обладания цифровой валютой ... в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах» не позволяла ясно понять, какой порядок имелся в виду и как быть в случае, когда такой порядок в принципе не был установлен. В отсутствие процедуры резидент фактически не мог выполнить свою обязанность.

Во-вторых, запрет был несоразмерен нарушению. Отказ в рассмотрении имущественного спора — крайняя мера. У государства много других механизмов налогового контроля: проверки, доначисления, ответственность и т. д. Эти механизмы работают точно и не превращают суд (по сугубо гражданскому делу) в инструмент налогового контроля.

В-третьих, ответственность (а отказ в судебной защите здесь фактически выступает мерой налоговой ответственности) была установлена без анализа должных критериев. Суду не требовалось устанавливать факт правонарушения, доказывать вину, последствия для бюджета. Состав описан формально: не доказал уведомление — получаешь отказ в защите.

Таким образом, мера ответственности применялась по умолчанию ко всем лицам, которые не смогли доказать свою невиновность.

Что сказал Конституционный Суд

Конституционный Суд сформулировал две важные позиции.

Во-первых, если государство допускает оборот актива, даже ограниченный оборот, он не может существовать без базовой защиты имущественных притязаний на актив.

⁴ Письмо Минфина России от 22.12.2021 № 03-04-05/104885.

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2024 № 418-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 02.12.2024, № 49 (ч. 1), ст. 7409.

Во-вторых, нельзя лишать судебной защиты из-за неисполнения порядка, которого фактически нет. Если государство ограничивает права участников оборота, требуя соблюдения некоей процедуры, эта процедура должна существовать. Иное противоречит конституционным гарантиям, в частности нормам ст. 19 и 46 Конституции о равенстве прав перед законом и судом, а также праву каждого на судебную защиту.

Главный вывод из постановления: требования, связанные с цифровой валютой, должны получать судебную защиту, пока не установлен четкий порядок отказа в судебной защите на основании недеklarирования актива. Другими словами, если истец приобрел цифровую валюту не через майнинг, суд должен рассматривать его дело по существу.

Неснятые вопросы

При этом саму идею отказа в судебной защите — для определенных лиц (резидентов) и определенных активов (цифровых валют) — суд признал допустимой. Главное, чтобы обязанность была ясной и исполнимой (например, действовал режим декларирования цифровой валюты) и минимизировались «риски не только для государства... но и для участников оборота»⁶. В данном случае суд видит в ограничении защиты добросовестных участников рынка (очевидно, путем ограничения в обороте «грязной», незадекларированной валюты). Кроме того, полагает суд, цифровая валюта является ограниченным в обороте активом, а следовательно, отказ в защите является лишь частным следствием из этого общего основания.

Этот тезис, полагаю, не только мне кажется спорным. Даже если мы признаем цифровую валюту активом, ограниченным в обороте, возникает вопрос: почему это ограничение ставится в зависимость от исполнения публичной обязанности, причем налоговой? До этого подобных прецедентов я не встречал — да, можно вспомнить драгоценные металлы и процедуру обязательного аффинажа, сильнодействующие препараты, но в тех случаях условием допуска к обороту не является налоговое декларирование.

Защитой добросовестных участников рынка можно обосновать практически любое ограничение на осуществление и защиту гражданских прав: так, запрещая совершать сделки с потенциально неблагонадежными гражданами, мы защищаем добросовестных участников рынка, которые иначе навлекли бы и на себя подозрения.

К сожалению, в последние годы мы видим все больше ограничений на совершение сделок и защиту прав по ним ради упрощения государственного контроля или как мера дополнительной ответственности. Например, вводятся запреты на сделки для призывников-«уклонистов»⁷, незаконных мигрантов⁸, «иностранных агентов»⁹ и других категорий лиц.

Помимо очевидной проблемы — такие запреты посягают фундаментальные права и свободы — они к тому же перекладывают на участников оборота публичные обязанности, которые должны выполнять государственные органы: проверять, законно ли контрагент находится в РФ,

⁶ П. 5 рассматриваемого постановления.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.04.2023 № 127-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 17.04.2023, № 16, ст. 2764.

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 260-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 12.08.2024, № 33 (ч. 1), ст. 4956.

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 28.12.2024 № 520-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (ч. 1), ст. 8530.

не включен ли он в различные «черные списки», уплатил ли налоги и т. п. Такие ограничения не защищают добросовестных участников рынка, а лишь нагружают их несвойственными публичными функциями.

Хочется верить, что рано или поздно Конституционный Суд выскажется шире и ограничит такую практику.

Сведения об авторе:

Янковский Р. М. — кандидат юридических наук, приглашенный преподаватель Российской экономической школы (РЭШ), Москва, Россия.

ryankovskiy@nes.ru

Information about the author:

Roman M. Yankovsky — Ph.D. in Law, Visiting Lecturer at the New Economic School (NES), Moscow, Russia.

ryankovskiy@nes.ru